

О.В. Федунина, А.В. Кузнецова (Москва)

СОВЕТСКИЙ ШПИОНСКИЙ РОМАН ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»:

к проблеме жанрового инварианта

Цель нашей работы – попытаться выделить основные элементы в структуре советского шпионского романа, расцвет которого пришелся на период «оттепели» (этот факт исследователи связывают с тем, что «тоталитарные режимы не очень-то любят детективные и шпионские романы»¹). Мы не будем углубляться в историю развития этого жанра (об этом дает некоторое представление краткий обзор Марины Хоста и Александра Верховского), а сосредоточимся больше на его внутренних особенностях. С этой точки зрения советский шпионский роман не часто становился предметом специального анализа, хотя и предпринимались отдельные попытки выделить характерные для него штампы². Можно даже сказать, что эти штампы более активно осмысляются литературной и фольклорной традициями во множестве пародий и анекдотов. Для лучшего понимания жанровой специфики советского шпионского романа, ставшего предметом этой усиленной рефлексии, необходимо описать его структуру в целом.

Известны два основных типа советского шпионского романа: об иностранном шпионе, заброшенном в СССР, и о советском разведчике в тылу врага³. При всех своих различиях эти линии имеют, несомненно, общий корень и нередко смыкаются в рамках одного произведения. Так, в «Ошибке резидента» О. Шмелева и В. Востокова имеются и иностранный резидент, Тульев, и советский контрразведчик, попавший на Запад, – старший лейтенант Сеницын. Однако мы вынуждены пока оставить в стороне «романы о разведчиках». На данной стадии работы в качестве основного материала будут взяты два романа, знаковых для советской культуры и дающих представление о жанровой структуре в целом: «Секретное ору-

жие» Л. Овалова (1963; завершает серию о майоре Пронине) и «Ошибка резидента» Востокова и Шмелева (1967). Попутно будут привлекаться и другие образцы советской «шпионской» литературы.

Сюжет советского «романа о шпионах» построен на противостоянии советских органов безопасности и иностранных шпионов, в конце неизбежно терпящих поражение. Именно об этом антагонизме упоминают чаще всего, говоря о советском шпионском романе. Завязка всегда связана с нарушением нормального течения жизни в советском обществе в целом (засылка резидента) или в отдельной советской семье, причем это нарушение является закономерной случайностью: «В круговорот событий, о которых пойдет речь, семья Ковригиных была втянута обычным телефонным звонком...

Впрочем, семья Ковригиных невелика, может быть, именно этим и объясняется, что она стала жертвой тех тайных и темных сил, которые подчас могут оказаться страшнее даже циклонов и землетрясений» («Секретное оружие» Л. Овалова⁴). Далее изображаются многочисленные попытки шпионов выполнить задание (украсть научные разработки, найти секретные объекты и т.д.), неизбежно проваливающиеся благодаря бдительности и профессионализму советских органов госбезопасности, которые обычно заранее знают о появлении шпионов («Ошибка резидента» Востокова и Шмелева; «Бог, мистер Глен и Юрий Коробцов» В. Ардаматского, 1964). При этом шпионы и герои, противостоящие им с советской стороны, проходят определенное испытание в борьбе друг с другом, причем шпионы его никогда не преодолевают. Поимкой шпионов действие обычно заканчивается, т.е. восстанавливается нормальное течение жизни.

Центральная для советского шпионского романа оппозиция своего и чужого характеризует и образ пространства⁵. Оно жестко делится по этому принципу. Именно проникновение чужого элемента в «свое» пространство становится завязкой сюжета, а его нейтрализация – развязкой. В связи с

этим очень важен топос границы и мотив ее перехода. Основное действие происходит, наравне с конкретными, реально существующими городами, в городах вымышленных: например, в городах N, K. («Ошибка резидента»). В «своем» пространстве особое место занимает «одно из управлений, ведающее вопросами государственной безопасности». Иногда по контрасту изображается центр иностранной разведки («Секретное оружие»). Еще один важный топос – секретный технический объект, на который направлена «подрывная» деятельность шпиона (научный институт и т.д.). В «своем» пространстве выделяется также место, где живет засланный шпион (что делает его «чужим»; обычно оно за пределами города). В «чужом» пространстве важен топос подземной тюрьмы, где проходят испытание советские люди, соприкоснувшиеся со шпионами (есть и в «Секретном оружии», и в «Ошибка резидента»). С разоблачением шпиона «свое» пространство как бы замыкается, восстанавливая свою целостность.

Время, в котором развиваются события, обычно приближено ко времени создания произведения, что как бы объединяет художественный мир с реальностью читателя. Конкретная дата редко называется в тексте, обычно даются лишь прозрачные намеки. Так, в «Секретном оружии» упоминается уже вышедший на Западе роман Пастернака «Доктор Живаго», а в «Ошибка резидента» – процесс над Рокотовым и Файбишенко. Однако при этом обычно присутствует и военное прошлое: подчеркивается связь шпионов с фашистами («Тайна стонущей пещеры», «Ошибка резидента»).

Если же говорить о таких качествах художественного времени, как его линейность или цикличность, то здесь они сочетаются. Время приключений шпиона в СССР линейно и конечно, время же жизни советского общества циклично. В частности, «Секретное оружие» заканчивается эпизодом, фактически дублирующим начало романа.

Таким образом, основные события в шпионском романе выполняют *ретардирующую функцию*, являются лишь временным отклонением от

нормы, что, по мнению Н.Д. Тамарченко, характерно для кумулятивного сюжета в эпике⁶. Однако эта кумулятивная цепочка, разрушающаяся в конце разоблачением шпиона, имеет циклическое обрамление⁷: происходит возврат к нормальной жизни после зачастую смертельно опасного столкновения с представителями чужого мира, который Даниэль Клугер прямо соотносит с миром мертвых⁸. Вероятно, с таким построением сюжета отчасти связано сближение двух жанров «шпионской» литературы – романа и повести. Зачастую их довольно трудно разграничить.

С сюжетообразующим мотивом противостояния «наших» органов и шпионов связана и вполне устойчивая система персонажей. Своеобразными ее полюсами являются представители «наших» спецслужб (обычно присутствует пара «начальник и подчиненный» при возможном расширении служебной иерархии: генерал Пронин и майор Ткачев в «Секретном оружии» Овалова, генерал Сергеев, полковник Марков и старший лейтенант Сеницын в «Ошибке резидента») и организованные по такому же принципу представители противной стороны. В «Секретном оружии» это мистер Нобл в качестве начальства – и Роберт Джергер и майор Харбери как «рядовые шпионы». Нужно отметить, что в шпионских романах 50–60-х гг. и далее (т.е. периода «холодной войны») это обычно американские спецслужбы; даже если действуют другие разведки, подчеркивается, что за ними стоят американцы. Начальство редко непосредственно участвует в действии; это «мозговой центр». Очевидно, в связи с этим оно характеризуется предельно кратко. Однако и при такой сжатости отчетливо намечается противопоставление советских начальников контрразведки и шефов иностранных спецслужб.

Вот как выстроена эта оппозиция в «Секретном оружии»: «Он был уже немолод, генерал Пронин, давно мог уйти на пенсию, но сам не просился, а начальство не предлагало. Он был по-настоящему талантлив и, что особенно важно, обладал подлинным даром работать с людьми. Все, кто

работал с ним, и уважали, и любили его. Строгий, требовательный, принципиальный, но в то же время душевный и справедливый человек». Ср. с характеристикой мистера Нобла: «Общительный и доступный, он с самыми незначительными сотрудниками своего ведомства держался на короткой ноге. <...> Однако его сотрудники знали и другого Нобла – неумолимого мистера Нобла, знали и остерегались попасть в немилость к старику, а некоторые предпочитали вообще держаться от него подальше». При том что подчеркивается особая способность обоих работать с людьми, Пронин изображается как «душевный и справедливый», Нобл же – как беспощадный. Его кредо: «Не стоит жалеть людей, которые не умеют работать». Ср. в «Ошибке резидента» с предусмотрительной заботой «нашего» начальства о безопасности подчиненных и склоками в иностранной разведке по поводу «извлечения» Леонида Круга с советской территории.

Такая же оппозиция выстраивается в паре «исполнителей». При этом важно отметить, что работники советских органов изображаются не так отчетливо, как шпионы. Но хотя некоторые из них совсем лишены индивидуальных черт (майор Ткачев в романе Овалова), намечается характерная вообще для литературы «оттепели» тенденция «оживить» персонажей, сделать их более человечными. Так, из «Ошибки резидента» читатель узнает, что Синицын-Бекас склонен к психологическим этюдам и действиям «по вдохновению» (что вызывает легкое недоверие его начальства), «смел, сообразителен и хладнокровен, кажется. Плюс пограничная закалка»⁹. Из подробностей его частной жизни известно, что он живет с мамой на Садово-Кудринской. Впрочем, в случае Синицына все немного осложняется тем, что по ходу действия он попадает за границу и проходит испытание в иностранной разведке. Здесь, как мы уже говорили, смыкаются два типа шпионского романа, и из другой линии приходит изображение вражеского стана глазами нашего разведчика. Это как бы приоткрывает внутренний мир героя, дает представление о его оценке ситуации.

Но наиболее ярко высвечивается такое качество, общее и для начальства, и для рядовых сотрудников советских органов, как «трепетная забота» о простых гражданах и о том, чтобы они не оказались игрушкой в руках западных спецслужб. В этом плане показательна история Риты Тереховой. Совершенно в стороне от главной сюжетной линии, почти вне всякой связи с ней вдруг сообщается, что раньше Синицын «много положил нервов и времени, чтобы помочь Рите» не преступить «грань, за которой начинается забвение государственных интересов». Далее этот персонаж появляется лишь однажды; Рита выполняет в доме отдыха функцию связной между Синицыным и его начальством. Возникает закономерный вопрос: зачем нужно было рассказывать ее историю? Думается, цель здесь – как раз показать «заботливость» и предусмотрительность «родных» органов, предотвращающих преступление еще на стадии замысла, а также подчеркнуть «человечность» конкретного сотрудника этих органов, Павла Синицына, испытывающего «чувство удовлетворения и радость за человека, возвращенного к настоящей жизни».

На другом полюсе находится фигура «главного» шпиона и его приспешников. В качестве его номинации используется слова «шпион», «диверсант», «резидент», заведомо несущие в себе оценочность. Исключением являются романы Шмелева и Востокова о резиденте, где Тульева называют «иностранным разведчиком» или «резидентом», – но не «шпионом». Вероятно, это связано с тем, что Тульев затем перевербовывается советскими органами. Обычно всегда приводится предыстория этого героя (ср. истории Тульева и Джергера в рассматриваемых романах). При этом может подчеркиваться, как в «Секретном оружии», его «обыкновенность» как человека: «Роберт Джергер никогда не предполагал, что станет шпионом...». Его «обыкновенность» (в данном случае как американского гражданина) в соединении с прочими довольно отталкивающими моральными качества-

ми в конечном счете должна дискредитировать всю американскую нацию в глазах советского читателя.

Становясь шпионом, герой как бы утрачивает свою сущность. Важнейшее значение здесь имеют мотивы маски и роли, которую шпион играет на чужой территории: «С этого момента Джергера больше не существует. Мистер Джергер не так-то скоро возродится теперь к жизни» («Секретное оружие»). Шпион с легкостью меняет личины, не испытывая никаких моральных терзаний по этому поводу. В романе Овалова Джергер играет роли журналиста, а затем капитана госбезопасности Королева (Пронин оценивает идею противника как «не слишком умную, но смелую»). В «Ошибке резидента» у Тульева также несколько масок: Кириллов, Зароков, Курнаков. В отличие от шпионов, сотруднику советских органов, вынужденному принять чужую личину, это дается не так легко: «...он обязан решительно подавить в себе свое настоящее “я”, чтобы оно не мешало существовать Бекасу ни наяву, ни во сне. Не думать, не вспоминать о Москве, о товарищах по работе. Иначе, как случилось сегодня ночью, будешь видеть сны, в которых старший лейтенант Павел Синицын, одетый в форму, допрашивает человека, похожего лицом на Виктора Круга. Не хватало еще просыпаться от собственного голоса и холодеть при мысли, что кто-то мог тебя подслушать...» («Ошибка резидента»). Развязка сюжета всегда связана с разоблачением шпиона и обретением героями своего истинного лица.

Иностранный шпион изображается, в отличие от своего визави с советской стороны, подчеркнуто отрицательно. Он никогда не оценивает свои поступки с этической стороны: «Джергер не хотел бы причинить этим ребятам вред. Но он не принадлежит себе. Он должен работать». В сцене допроса советской ученой Марии Сергеевны, похищенной Джергером, жестокость его напарника Харбери фактически приравнивается к жестокости фашистов: «В войну он осуждал фашистов за их зверства, но сейчас понял, почему фашисты зверели... От советских фанатиков добром не до-

биться ничего! Они не понимают разумных доводов. Бить, бить! Их пытаться нужно! Сломить, заставить...». В «Ошибке резидента» не показывается никакая внутренняя борьба Тульева, когда он собирается убить сестру Зарокова и Дембовича. Это обусловлено для героя «рабочей» необходимостью: «Что бы ни делал шпион, он никогда не будет подлинным преступником. Он выполняет задание. Он убивает по приказу»¹⁰.

Выполняя задание и проходя таким образом «проверку на прочность», резидент в советском шпионском романе рано или поздно оказывается перед выбором: идти до конца или спасти свою жизнь ценой предательства. И шпион всегда совершает выбор в пользу своего спасения. Так, Джергер в романе Овалова готов провалить задание и приказывает своему напарнику вывезти из страны самого себя вместо советского ученого. Возможен и вариант добровольного перехода на сторону противника после осознания его морального превосходства. Резидент Тулев и вовсе перевербовывается, соглашаясь работать на советскую разведку; в «Секретном оружии» помощница Харбери Вайолет, преданная своими начальниками, решает остаться в СССР. В такой же ситуации для сотрудника советских органов на первом плане всегда выполнение задания и преданность Родине; ср. с приключениями Синицына-Бекаса за границей. Таким образом, показывается не только профессиональное, но и моральное превосходство сотрудников советских органов госбезопасности над их противниками.

Между двумя этими полюсами находится группа персонажей, которую условно можно обозначить как «простые советские люди». Эта группа не однородна. В нее входят и те, кто охотно сотрудничает с органами госбезопасности и помогает им в выполнении заданий (Мария Сергеевна, Леночка и ее жених в «Секретном оружии»; Рита, дизелист Седых в «Ошибке резидента»), и те, кто работает на иностранную разведку, правда, не подозревая этого. При изображении этих последних обычно дается безапелляционно отрицательная оценка их образа жизни. Примечательно, что это

обычно связывается с такими знаковыми для 60-х гг. явлениями, как стиляжничество, фарцовка и т.д., причем они оцениваются героями и повествователем как бы сквозь призму советской прессы тех лет. Ср.: «...в памяти Марии Сергеевны возникали многочисленные фельетоны о легкомысленных девушках и легкомысленных юношах, о всяких стилягах и их аморальных поступках, о которых то и дело писалось в газетах» («Секретное оружие»). «Дальше житие Алика Ступина, если изложить его схематично, сильно отдает трафаретом. Но тут ничего не поделаешь, ибо он шел к преступлению по трафаретному пути, который отлично знаком читателям газет и документальных повестей по биографиям валютчиков, фарцовщиков и разных явных и скрытых тунеядцев» («Ошибка резидента»). Однако в конце эти «несознательные граждане» неизменно перевоспитываются: так, Рита Терехова в «Ошибка резидента» начинает работать на органы, а Алик Ступин получает возможность «коренным образом изменить образ жизни».

По контрасту всячески подчеркиваются моральные и гражданские качества «настоящих советских людей». Прежде всего, они бдительны. Советские шпионские романы изобилуют примерами того, как простые граждане вовремя заподозрили кого-то в шпионаже. Так, в «Ошибка резидента» дизелист Седых вычисляет Ступина, делая небезосновательный вывод: «Нормальные люди так себя не ведут». Нередко в роли таких бдительных помощников выступают дети. В той же «Ошибка резидента» они находят спрятанный акваланг Бекаса. Вывод: «Раз человек спрятал такие бесценные сокровища под водой, значит он не хотел, чтобы его видели выходящим на берег с аквалангом, он хотел притвориться обыкновенным купальщиком. А зачем ему было притворяться? Да очень просто: это шпион!» (ср. с «Тайной стонущей пещеры» А. Шебалова, 1958, и «Аквалангами на дне» Е. Шерстобитова, 1965). Все, что связано со странностью, не-

обычностью поведения или внешности, в советских шпионских романах является синонимом чуждого, а следовательно, вражеского.

Такое противостояние обычных советских граждан иностранным шпионам может быть показано и более развернуто. Так, например, в «Секретном оружии» Овалова непосредственная борьба со шпионами (особенно психологическая) достается Марии Сергеевне и Леночке. Сотрудники органов руководят, но почти не действуют непосредственно. Вероятно, смысл именно такого сюжетного хода в том, чтобы показать моральное превосходство над профессионалами иностранной разведки самых обычных советских людей: мол, даже наши «слабые» сильнее ваших «сильных». С другой стороны, непосредственное столкновение «злодея» и жертвы, держащее читателя в напряжении, очень характерно для детективов.

Для персонажей такого типа невозможно никакое противостояние с собственными властями, напротив, они выступают защитниками этой власти в споре со шпионами, доказывая им превосходство советской системы: «...ваши власти поставлены теми, кто над народом, а наши власти лишь представители народа, и так как я тоже часть народа, мои интересы не расходятся с интересами большинства» («Секретное оружие»). Эта «любовь» явно взаимна; в конце романа генерал Пронин называет «секретным оружием» именно советских людей: «Главное наше оружие – человек, советский человек, его нельзя ни купить, ни сломить, ни победить».

Одна из важнейших установок советского шпионского романа – на сопричастность, включенность читателя в действие, что вообще характерно для массовой литературы. Повествователь же выполняет здесь функции подсказывающего; он также осведомляет читателя об «изнанке» деятельности разведчика: «Засылка шпиона — не будем бояться этого неприятного слова, – засылка шпиона в чужую страну всегда дело очень непростое, требующее затраты больших усилий многих опытных и умных людей» («Секретное оружие»); «Разведчики еще раз тщательно инструктировали

Надежду, как себя вести в России, с тем чтобы не попасть в поле зрения советских контрразведчиков. Скрупулезно уточняли, что в первую очередь надо узнавать о военной и экономической мощи Советского Союза и как безопаснее переправлять добытые данные» («Ошибка резидента»).

Однако субъектная структура советских шпионских романов такова, что события изображаются не только с позиции всезнающего повествователя. Обычно чередуются фрагменты, в которых господствуют точки зрения повествователя и основных героев. Очевидно, это связано с общей установкой на занимательность, хотя личность шпиона обычно не является тайной для читателя. Если он не называется с самого начала, как в «Ошибка резидента», то в тексте даются весьма прозрачные намеки на странность его поведения. В «Секретном оружии» первой такой деталью, вероятно, являются нарядные ботинки мнимого капитана Королева, которые можно купить далеко не в каждом магазине (хотя героиня не обращает на это внимания). Интересно не то, кто является шпионом, и не исход его миссии (понятно, что поймают), а то, сколько он «продержится» и как скоро догадываются обо всем окружающие его «обычные советские люди», с которыми должен ассоциировать себя читатель. Именно поэтому до определенного момента события показываются глазами персонажей, чей кругозор ограничен (семья Ковригиных в романе Овалова, Мария в «Ошибка резидента»). Как правило, в таких фрагментах доминируют формы косвенной или несобственно-прямой речи персонажей, что показывает абсолютную прозрачность их сознания для повествователя, но в то же время связано с попыткой автора реконструировать внутренний мир героев.

Если сам шпион становится объектом наблюдения, то и его точка зрения всегда присутствует в тексте. По степени осведомленности этот герой явно уступает своим противникам. Как правило, он до самого конца не подозревает о том, что ему уже давно противодействуют сотрудники советских органов, фактически предугадывая каждое его действие. Провал

всегда становится для шпиона неожиданностью, вызывая в нем удивление, граничащее с паникой (ср. сцены ареста Джергера и Гульева).

Проницательность читателя нередко становится предметом игры. Так, в «Ошибке резидента» девятая и десятая главы разбиваются особой главой без номера и названия, где повествователь открыто обращается к читателям и четко обозначает роли каждого из героев: «Все, разумеется, с первых страниц догадались, что Надежда, Кириллов и Зароков – одно лицо. Авторам не было нужды играть в прятки и сбивать с толку читателя, заставляя долго гадать, кто из действующих лиц – иностранный разведчик». Характерная для детективной литературы «тайна преступления»¹¹ здесь отсутствует, само же преступление (шпионаж) носит не личный, а «общегосударственный» характер (в отличие от детектива с его «личной» мотивировкой как у преступника, так и у ведущего расследование¹²), т.к. все персонажи, в сущности, являются лишь представителями двух соперничающих держав. Именно поэтому нельзя согласиться с мнением исследователей, не выделяющих шпионский роман в качестве отдельного жанра и говорящих о «шпионском детективе»¹³. На наш взгляд, более правомерна другая точка зрения, которая представлена, в частности, в упомянутой работе Буало-Нарсежака: «Шпионский роман может сколько угодно заимствовать приемы у детектива – природа его иная»¹⁴.

Итак, наличие повторяющихся элементов на всех основных уровнях произведения говорит о том, что в советской литературе сформировалась определенная жанровая модель шпионского романа, обусловленная во многом идеологизированностью и установками на занимательность и сопричастность читателя к действию. Мы попытались выделить инвариантную структуру только одной его ветви. Следующими шагами, очевидно, станет более подробное исследование жанровых границ между шпионским романом и детективом, соотношения с западной традицией и рассмотрение другой линии, «романа о разведчике».

¹ *Хоста М., Верховский А.* Шпионский роман. Попытка краткого обзора. Режим доступа: <http://www.agentura.ru/forum/archive/4047.html>, свободный.

² См., например: *Хоста М., Верховский А., Лапчинский О.* «Шпионский роман» (Попытка краткого обзора) // Шпиономания. Режим доступа: <http://spymania.narod.ru/articles/spynovell.htm>, свободный; *Канавин В.* Сделано в СССР // Итоги.ру. 2008. 20 мая. № 37 (379). Режим доступа: http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_09_16_12_4005.html, свободный; *Замостьянов А.* В космическую эру (Послесловие) // Либрусек. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/book/60608>, свободный.

³ Оценочность в разных наименованиях героев «шпионской» литературы отмечается, в частности, Е.Г. Соколовым и С.Г. Твердохлебовым, которые говорят о «сакраментальной пропагандистской номинации героев: “разведчик” (“свой”) – “шпион” (“чужой”)». См.: *Соколов Е.Г., Твердохлебов С.Г.* Массовая культура советского периода // Институт международного бизнеса и коммуникации. Режим доступа: http://www.ibci.ru/konferencia/page/statya_k06.htm/, свободный. Данные соответствуют 09.09.2008.

⁴ «Секретное оружие» Л. Овалова цитируется по изданию: *Овалов Л.* Секретное оружие. М., 2004. (Атлантида).

⁵ О пространстве в советском шпионском романе см.: *Клугер Д.* Потерянный рай шпионского романа // Реальность фантастики. 2006. № 8 (36). Август. Режим доступа: <http://www.rf.com.ua/article/952>, свободный.

⁶ *Тамарченко Н.Д.* Принцип кумуляции в истории сюжета: к постановке проблемы // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики. Кемерово, 1986. С. 49.

⁷ О циклической сюжетной схеме см.: *Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н.* Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. Т. 1. М., 2004. С. 204.

⁸ *Клугер Д.* Указ. соч.

⁹ Текст «Ошибки резидента» приводится по изданию: *Шмелев О., Востоков В.* Ошибка резидента. М., 1981.

¹⁰ *Буало-Нарсежак.* Детективный роман // Классический детектив: поэтика жанра. Режим доступа: <http://detective.gumer.info/txt/bualo.doc>, свободный.

¹¹ *Тамарченко Н.Д.* Детективная проза // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 55.

¹² Эту особенность детективного жанра упоминает, в частности, А. Генис, отмечая, что в детективе «преступление – мотив сугубо личный. Общественное зло – достояние исторического, либо политического романа». См.: *Генис А.* Взгляд из тупика // Огонек. 1990. № 52. Декабрь. С. 19. Добавим, что проблема «общественного зла», порожденного самим обществом, является предметом особого внимания скорее в социально-криминальном романе, в том числе и в таких его позднейших образцах, как «Бунт обреченных» Г. Егера. В шпионском романе изображается иное зло – пришедшее извне.

¹³ См., напр.: *Николаев Д.Д.* Детектив // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стлб. 223.

¹⁴ *Буало-Нарсежак.* Указ. соч.